

В. И. Райгородская

КАК РОЖДАЛАСЬ ЛЕГЕНДА

По возвращении из поездки в дивизию Кривицкий напишет очерк «О 28 павших героях», опубликованный в «Красной звезде» 22 января 1942 года. Уже с именами и подробностями боя. В нём рассказ о подвиге панфиловцев приобретёт свой окончательный вид.

Список фамилий корреспондент получил от Павла Гундиловича, бывшего командира 4-й роты. Кого назвал Гундилович? Может быть, лучших, отличившихся в бою? Тех, кого хорошо помнил? (Что бы ни происходило на самом деле, число 28 менять было нельзя.) Всё-таки я склоняюсь к мысли, что они были бойцами одного взвода, который стоял на переднем крае, на пути вражеских танков. Командир знал, конечно, кто у него в том окопе. А вот того, что шесть человек из названных им живы, он знать не мог. Раненые, контуженные, заваленные землёй, они остались лежать на поле боя, где теперь хозяйничал враг. Четверо попали в плен. По-разному сложились их судьбы. Двоих подобрали и доставили в госпиталь наши разведчики. Но всё это станет известно потом...

Вполне вероятно, что, приехав в Панфиловскую дивизию, Кривицкий не отыскал больше никого из сражавшихся у разъезда. А Гундилович в бою находился на каком-то одном участке, всей картины он не видел. Что-то смогли дополнить солдаты других рот, действовавших на флангах, какие-то факты удалось узнать у командира и комиссара полка. Затем корреспондент вместе с представителями политотдела выехал в Дубосеково.

«Мы направлялись к месту легендарного сражения двадцати восьми гвардейцев. Ночью бушевала метель, и отряд шел по снежной целине. Впереди осторожно двигались саперы с миноискателями.

— Здесь окоп, — сказал капитан Гундилович.

Но вокруг расстилалась ровная белая пелена. Слева, за небольшой рощицей, протянулась линия железной дороги. Справа стояли одинокие ели. Ничто не напоминало о разыгравшихся здесь событиях. Как, по каким признакам можно точно определить на этом однообразном пространстве линию окопа, трудно было понять... Мы заработали лопатами. Минута, другая, третья, и постепенно из-под снега стала возникать часть поля битвы.

Вот обнажился кусок бруствера окопа. Вот угол блиндажа. Вот звякнула лопата, и показалась каска, а за ней кинжал. Гундилович не ошибся. Вторично на том же месте врастает в землю окоп полного профиля.

Комья снега стали желто-красными. В хрусталиках льда, как в сосудах, заалела кровь. Она повсюду, кровь погибших героев — на нижних бревнах блиндажа, на открытом противогазе, на вытащенной плащ-палатке, на снегу вокруг. Теперь мы стали копать осторожно, набрасывая землю в лопаты. И вот показалось тело. Сначала ноги, потом туловище. Мы поднимаем мертвого гвардейца из окопа. У него разможжена голова, нельзя узнать, кто это... Карманы его шинели, гимнастерки и брюк вывернуты. В них нет ни одного документа — унесли немцы, прихватив с собой и ушанку и сапоги убитого. Рядом с ним в окопе мы нашли записную книжку. Она была еще чистой и хранила лишь номер винтовки: 21789. Запомним его. Эта винтовка стреляла без промаха.

Невдалеке от окопа вырыли могилу. Недолгим был обряд похорон. У меня сохранилась фотография. У могильного холмика, покрытого ветвями елок, стоят, подняв вверх пистолеты, все, кто был тогда у могилы: капитан Гундилович, начальник политотдела Галушко, комиссар дивизии Егоров, командир полка Капров, комиссар Мухамедьяров. За офицерами — шеренга молодых панфиловцев из пополнения, в светло-серых шинелях, в полной боевой амуниции, в валенках. Винтовки изготовлены для стрельбы вверх.

— Вечная память и слава героям! — сказал Галушко.

Прогремел трехкратный торжественный салют» [3].

В воспоминаниях военкора есть волнующее описание ещё одной важной для него встречи. Разоблачители «мифа о панфиловцах» уверены, что этой встречи быть не могло. Я видела документ, который приводят в качестве доказательства. Но сначала предоставлю слово Кривицкому:

«Опросив в армейском госпитале десятки раненых панфиловцев в поисках кого-нибудь, кто, быть может, уцелел после дела у Дубосекова, я набрел на Натарова. Он перенес сложные операции, был плох, врачи говорили: «Не выживет». Я робел расспрашивать его, но, узнав, чем интересуются военный корреспондент, он сам попросил записать его рассказ. Он все повторял: «Вы пишите... я расскажу... вы пишите...» — и в этом были и доброта, и мучительно кольнувшая сердце благодарность за внимание к нему, и боязнь, что люди так и не узнают что-то очень важное, нужное и известное лишь ему одному.

Он умолкал, будто уходил куда-то далеко-далеко, наверно, возвращался туда, к темному Дубосеково, и все еще бился там, на красных снегах.

Я сделал движение, чтобы уйти, не тревожить его, но он тотчас же открыл глаза, беспокойно последил за мной, пока я снова не опустился на табурет. Тогда он опять повторил: «Расскажу, расскажу...»

Он говорил тихо, отрывочно, иногда бессвязно. Глаза его лихорадочно блестели. Его томил жар, он попытался приподняться, но это было свыше его сил, он откинулся на серую подушку, прошептал: «Мы свое сделали...»

Я долго сидел у его койки, ждал. Из обрывков фраз, перепутанной мозаики слов возникали детали боя...» [3].

Именно на его слова ссылается Кривицкий как на основной источник информации для своего очерка. Правда, позже, на следствии, журналист заявил, что ни с кем из раненых не встречался. Тридцать лет спустя в беседе с историком Г. Куманёвым он скажет, что ему угрожали: «Мне было прямо сказано, что если я откажусь признать, что описание боя у Дубосеково полностью выдумал я и что ни с кем из тяжелораненых перед публикацией статьи не разговаривал, то в скором времени могу оказаться в районе Печеры или Колымы. А оказаться там мне как-то не хотелось. Поняв, что дело принимает слишком опасный оборот, я признал, что многое в моих публикациях о 28 героях представляет литературный домисел» [4].

В Музее героев-панфиловцев в деревне Нелидово хранится политдонесение комиссара 1075-го полка Мухамедьярова за 14 ноября 1941 года. Приведу выдержку из него:

«Командованием полка была организована разведка перед фронтом и левым флангом, где наши разведывательные группы имели столкновение с противником. В результате боев разведывательных групп полк имеет потери в людском составе: раненых 11 человек и убито 4. Противник потерял до 50 человек убитыми и ранеными, уничтожен один миномет противника с прислугой. В бою хорошо действовали и воодушевляли своим примером мужества и отваги следующие товарищи [далее упомянуты пять человек, и в их числе — три фамилии из списка 28 героев]:

1. Красноармеец т. Трофимов, на которого в атаке напали три немецких фашиста и предлагали сдаться в плен. Трофимов ответил им словами злобы «Русский воин в плен не сдаётся», двух фашистов убил в упор, а третий пустился наутёк.

2. Красноармеец т. Натаров, будучи ранен, продолжал бой и вел огонь из своей винтовки до последнего дыхания и героически погиб в бою.

5. Красноармеец канд. ВКП(б) т. Шапаков первый принял на себя атаку фашистов, когда немцы, окружив его, предлагали сдаться, и в упор убил два фашиста и от пули 3-го фашиста героически погиб. Трупы убитых бойцов и командиров подобраны и похоронены» [2].

То есть Натаров, который рассказал корреспонденту «Красной звезды» о событиях у разъезда Дубосеково, происходивших 16 ноября, согласно этому

донесению погиб двумя днями раньше? Может быть, правы критики, и Кривицкий просто использовал одно из имён для беспроектного эпического приёма — умирающий герой повествует о подвиге товарищей? Писатель В. Осипов, автор биографии политука Клочкова и неутомимый исследователь боевого пути его роты, попытался уточнить дату гибели панфиловца по официальным документам. Он обратился с запросом в архив Минобороны и получил справку: «В книге учета безвозвратных потерь личного состава 1075-го стрелкового полка 316 дивизии за 1941 год значится: красноармеец Натаров Иван Моисеевич убит 16.11.41, похоронен Разъезд Дубосеково Московской области» [5].

Так где же правда? Я оставляю этот вопрос открытым, изложив здесь всё то, что удалось найти на данный момент. Да, проще всего признать рассказ Кривицкого о встрече в госпитале художественным вымыслом. Только мне почему-то кажется, что с его стороны было бы кощунством сочинять такое.

Ещё одна мишень для критики — количество танков. Откуда появились эти цифры? Они есть в архивных документах, но...

Из донесения начальника политотдела 316-й стрелковой дивизии Галушко в штаб 16-й армии: «16.11.1941 года утром в 8.00 противник... начал наступление на левом фланге нашей обороны в районе 1075 СП. Несмотря на исключительное мужество и героизм, который был проявлен личным составом 1075 СП, всё же задержать наступление противника в этом районе не удалось... Противник наступал в количестве 50–60 танков тяжёлых и средних... По неуточнённым данным в районе 1075 СП подбито не меньше 9 танков» [1]. Комиссар полка Мухамедьяров в своём донесении в политотдел дивизии от 18.11.1941 тоже пишет о 60 танках и сообщает, что за два дня, 16 и 17 ноября, в районе действий полка подбито и сожжено 15 немецких танков.

А вот что рассказывал командир 1075-го полка Капров следователям военной прокуратуры в 1948 году: «Примерно около 11 часов... появились мелкие группы танков противника. Всего было на участке батальона 10–12 танков противника. Сколько танков шло на участок 4-й роты, я не знаю, вернее, не могу определить... В бою полк уничтожил 5–6 немецких танков, и немцы отошли». Но затем около 14.00 после артподготовки танки снова пошли в атаку. «Причём шли они развёрнутым фронтом, волнами, примерно по 15–20 танков в группе. На участок полка наступало свыше 50 танков, причём главный удар был направлен на позиции 2-го батальона, т. к. этот участок был наиболее доступен танкам противника. В течение примерно 40–45 мин. танки противника смяли расположение 2-го батальона, в том числе и участок 4-й роты» [1].

Как мы видим, общая цифра почти не расходится с той, что прозвучала в газетной передовице — «пятьдесят бронированных чудовищ». Другое дело, что она отражает происходившее на всём пространстве обороны полка. Потери противника, наоборот, в документах выглядят гораздо скромнее.

Ну а дальше уже вступают в силу законы литературы. Ведь Александр Кривицкий писал не репортаж! Он создавал вдохновенную песнь о подвиге.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дроздов, К. С. Подвиг панфиловцев : новые исторические свидетельства (по материалам Комиссии И. И. Минца) / К. С. Дроздов // Великая Отечественная — известная и неизвестная : историческая память и современность : материалы Междунар. науч. конф., Москва — Коломна, 6–8 мая 2015 г. / Ин-т рос. истории Рос. акад. [наук и др.]. — Москва, 2015. — С. 165–181.
2. Кириченко, Е. 28 панфиловцев — это честь Родины [Электронный ресурс] / Е. Кириченко // Общественный фонд «Совет ветеранов ВОВ, тружеников тыла и детей войны». — Режим доступа: <https://sovetsoldatov.kz/28-panfilovtsev-eto-chest-rodiny/>.
3. Кривицкий, А. Ю. Подмосковный караул : повесть-хроника и очерки / А. Ю. Кривицкий. — Йошкар-Ола : Марийское кн. изд-во, 1974. — 368 с.
4. Куманёв, Г. А. Рассекреченные страницы истории Второй мировой войны. Трагедия и подвиг / Г. А. Куманёв. — Москва : Вече, 2012. — 368 с.
5. Осипов, В. С перьями наперевес / В. Осипов // Моск. правда. — 2011. — 26 июля.

Продолжение. Начало в №№ 1 (82) и 2 (83) за 2019 год.